

Глава 5

С добычей повезло: охотники спустились с гор, неся больше десятка фазанов и зайцев, а вдобавок нашли гнездо с дикими яйцами.

У самого подножия холма Цзян Циншань притормозил и спросил:

— Что думаешь делать со своей долей?

Юань Цзин на мгновение замялся. Увлечшись негласным соревнованием с Циншанем, он совершенно позабыл о практической стороне вопроса. В такую жару мясо долго не пролежит.

— А как поступишь ты? — вопросом на вопрос ответил он.

— Завтра затемно отправлюсь в город, — спокойно произнёс мужчина. — Попробую сбыть в одном месте.

В этих словах сквозило глубокое доверие. Спутник не боялся, что юноша донесёт на него за спекуляцию, и Юань Цзин это оценил. Он понял, что демобилизованный солдат, несмотря на военное прошлое, вовсе не был ограниченным сухарём и умел приспособливаться к обстоятельствам.

— Раз уж у тебя есть свои каналы, — улыбнулся юноша, — не сможешь ли и мне пристроить лишнее?

— Ладно, — коротко бросил тот. Это было последнее, что он сказал до самого дома.

Юань Цзин, шагая следом, невольно подумал, что этот молчаливый человек своей невозмутимостью и практичностью напоминает ему людей из мира конца света куда больше, чем он сам.

Когда они вошли во двор, Ню Гуйлань, зная, что сын никогда не возвращается из леса с пустыми руками, приветливо встретила их.

— Сегодня не готовьте у себя, — с улыбкой обратилась она к Юань Цзину. — Наш Циншань сам займётся ужином. Попробуйте, каков он в деле.

Юноша искренне удивился тому, что этот суровый человек смыслит в кулинарии. За прошедший месяц они с Чэнь Цзяньхуа, готовя по очереди, достигли лишь одного — еда стала съедобной. О вкусе речи не шло: обычно всё просто сваливалось в один котел и варилось до готовности, а если что-то оставалось сыроватым, приходилось мириться и с этим.

— Тогда нам с Цзяньхуа крупно повезло, — отозвался Юань Цзин. — Сейчас я сбегаю за ним, чтобы он не успел перекусить в бараке чжицинов, а потом вернусь и помогу брату Цзяну на подхвате.

Ню Гуйлань кивнула:

— Иди, Сяо Цзи, мы будем ждать.

Чэнь Цзяньхуа, когда приятель пришёл за ним, решил, что ужин уже готов. Но вернувшись домой и увидев, как Цзян Циншань ошпаривает тушки фазанов кипятком, он застыл, не в силах отвести взгляд от дичи.

— У тебя сейчас слюнки потекут, — поддразнил его Юань Цзин.

Чэнь машинально вытер рот, не обращая внимания на смешки друга.

— Это что, настоящие фазаны? — выдохнул он, боясь поверить, что им тоже перепадёт кусочек.

На самом деле он очень хотел спросить: неужели и им достанется доля?

— В лесу не хотел говорить, чтобы не сглазить. Мы с братом Цзяном удачно сходили в горы, так что сегодня он угощает.

— Вот это да! Брат Цзян, давайте я помогу! — воскликнул Чэнь Цзяньхуа и, закатав рукава, бросился к чану с водой.

Ужин выдался на славу: на столе дымилось острое жаркое из зайчатины, ароматная похлебка из фазана с лесными грибами и тарелка обжаренных овощей. Трое мужчин орудовали палочками с такой скоростью, что Ню Гуйлань лишь довольно шурилась, глядя на них. С тех пор как в доме поселились постояльцы, жизнь в нём забила ключом. Даже её молчаливый сын, казалось, стал чуть бодрее — материнское сердце безошибочно чувствовало, что Циншань пребывает в добром расположении духа.

После трапезы приятель Юань Цзина, не переставая сыпать шутками, которые заставляли тётушку Гуйлань то и дело заходиться смехом, сам прибрал на кухне.

Вернувшись в комнату, друзья занялись делами: Чэнь счастливо развалился на кровати, ковыряя в зубах и закинув ногу на ногу, а Юань Цзин устроился у стола, чтобы написать письмо.

— Подумать только, брат Цзян — и такой искусный повар, — лениво протянул его товарищ. — Поистине, внешность обманчива. Обычно ведь тётушка Гуйлань всё готовит к его приходу, а он

разве что дров принесёт или воды нагреет. Какая всё-таки благодать... Если бы каждый день был таким, я бы и горя не знал.

Не дождавшись ответа, Чэнь приподнялся:

— Эй, Юаньцзин, ты чего молчишь? Опять письмо на родину? Ты же только недавно отправлял, неужели ответ уже пришёл?

Оставшись без собеседника, Чэнь Цзяньхуа вознамерился втянуть друга в разговор.

Юань Цзин, не оборачиваясь, ответил:

— Это отцу. Предыдущее было матери.

— О как? Они что, не вместе живут? — в голосе Чэня послышалось любопытство.

Скрывать было нечего, и юноша пояснил:

— Мать развелась с отцом и теперь живёт с отчимом. На отца донесли, и сейчас он находится на ферме на перековке.

Он не стал писать отцу сразу, решив сначала освоиться на новом месте, чтобы не тревожить его лишней раз напрасными опасениями. Приятель примолк, осознав, насколько непростая ситуация в семье друга.

— Как он там... держится? — неловко спросил он спустя минуту.

Юань Цзин обернулся и негромко произнёс:

— Сносно. Надеюсь только, что всё это скоро закончится. Я решил, что раз уж охота у меня идёт успешно, буду почаще ходить в лес с братом Цзяном. Нужно найти способ передать отцу еды, подсобить ему хоть немного.

— Правильно, так и надо, — горячо поддержал его Чэнь.

Он ни на миг не усомнился в правоте друга. Даже если отец считался «политически неблагонадёжным», он оставался родным человеком. Будь Юань Цзин из тех, кто отрекается от родителей ради собственной выгоды, приятель побоялся бы с ним сблизиться — кто знает, не предаст ли такой человек товарища при первой опасности?

Разговор затих. Под аккомпанемент завывающего за окном ветра Юань Цзин выводил

иероглиф за иероглифом, и Чэнь Цзяньхуа вдруг почувствовал, как по комнате разливается уютное, почти семейное тепло.

***

Спустя две недели письмо наконец достигло фермы «Бэйхай». Увидев на конверте знакомый почерк, Цзи Чанлинь почувствовал, как у него задрожали пальцы. Почти полгода он не получал вестей от старшего сына, терзаясь неизвестностью: не обижают ли мальчиков, как они справляются без его поддержки?

В своём новом доме его бывшая жена — теперь её следовало называть госпожой Чжэн — строго-настрого запретила детям упоминать отца при посторонних и уж тем более писать ему, чтобы не навлечь беду на семью. Она и не подозревала, что Юань Цзин всё это время тайно отправлял письма, пробегая по несколько ли до ближайшего почтового отделения.

Отношения Юань Цзина с семьёй Чжэн всегда были натянутыми. Мать, поначалу старавшаяся быть одинаково внимательной ко всем, после рождения младшего сына и дочери всё больше отдалялась. Юноша чувствовал себя лишним в этом чужом гнёздышке. Уезжая в деревню, он даже ощутил облегчение — там он наконец-то перестал быть вечным гостем. За младшего брата он не беспокоился: отчим искренне любил мальчика, и Юань Цзин был благодарен ему за это.

Цзи Чанлинь торопливо ушёл в свою каморку и принялся жадно вчитываться в каждое слово. Хотя у него был и второй сын, он никогда его не видел — мальчик родился уже после ареста. Старший же вырос на его руках, и сейчас это письмо было единственной нитью, связывающей его с прошлой жизнью.

«...Папа, не беспокойся обо мне. В бригаде я устроился хорошо, живу в доме у местных. Сын хозяйки, Цзян Циншань — демобилизованный солдат, он старше меня на несколько лет. Недавно он брал меня в горы, мы настреляли дичи. Вечером они с Чэнь Цзяньхуа устроили настоящий пир, я до сих пор вспоминаю вкус того ужина. Брат Цзян — отличный охотник, и я решил поучиться у него. Со временем насушу мяса и пришлю тебе, чтобы ты мог лучше питаться.

Дядя брата Цзяна — местный секретарь, он хорошо относится к нам, чжицинам. В труде на земле я нашёл радость, о которой в городе и не догадывался. Здесь тело и дух обретают покой...»

Слёзы навернулись на глаза старика. Он поспешно вытер их рукавом, боясь, что капли размоют тушь. Отец понимал: сын пишет так, чтобы утешить его, но из описания быта было ясно — Юань Цзину действительно повезло встретить достойных людей.

В конверте также лежали десять юаней и несколько талонов на продовольствие. Сердце Цзи Чанлиня сжалось от нежности и боли: он знал, что сын наверняка отказывал себе в самом необходимом, чтобы скопить эти крохи. Тщательно спрятав письмо в железную шкатулку, а ту

— в тайник под кроватью, отец дал себе слово перечитывать его всякий раз, когда тоска станет невыносимой.

***

В производственной бригаде «Красная Звезда» Юань Цзин вёл замкнутую жизнь. В отличие от своего предшественника, который постоянно находился в гуще событий во дворе чжицинов, юноша старался держаться в тени. В прошлом его двойник страдал от скрытой неприязни других парней — те завидовали его популярности у девушек. Даже Чэнь Цзяньхуа раньше не мог стать ему настоящим другом, так как Ван Лин, которая ему нравилась, постоянно искала внимания Юань Цзина.

Теперь же приятель по-прежнему часто бегал в барак к товарищам, а Юань Цзин появлялся там лишь в случае крайней необходимости. Он ограничивался короткими беседами с Линь Дуном во время работы и вежливо, но твёрдо держал дистанцию со всеми искательницами его расположения. Это помогло избежать конфликтов — другие чжицины хоть и не стали ему близкими друзьями, но признавали его «своим».

Всё свободное время юноша проводил с Цзян Циншанем в лесу. Несмотря на немногословность последнего, между ними росло молчаливое понимание. Всю добычу, которую они не съедали сами, Юань Цзин оставлял на попечение Циншаня. Раз в несколько дней, около трёх-четырёх часов утра, Цзян уезжал на велосипеде в город и возвращался до рассвета, неизменно передавая другу его долю выручки.

К началу осенней страды Юань Цзин заглянул в свою заветную шкатулку: там скопилось почти сто юаней и приличное количество дефицитных талонов. Благодаря хорошему питанию и постоянным тренировкам его былая бледность сменилась здоровым румянцем. Даже Чэнь Цзяньхуа на фоне других чжицинов выглядел на редкость крепким и полным сил.

Приятель поначалу тоже порывался заниматься утренней гимнастикой, но его запала хватило ненадолго. С наступлением жатвы он едва доползал до подушки, забыв обо всех упражнениях. Теперь его утро начиналось с торопливой чистки зубов и двух горячих бататов, которые он съедал на бегу по пути в поле.

Осенняя страда стала для Юань Цзина серьёзным испытанием. Ему поручили жатву риса позднего сорта. Постоянно согнутая спина ныла, а тело, казалось, решило объявить забастовку против непосильного труда.

Во время короткого перерыва он вытер пот полотенцем. На одежде юноши за день проступал толстый слой соли. Он жадно пил чай из эмалированной кружки, пока Чэнь Цзяньхуа, покрасневший от солнца, весело скалился, сверкая белоснежными зубами.

— Слыхал, Юаньцзин? — заговорщицки зашептал он. — Говорят, как с уборкой закончим, из уезда приедет агитбригада. Будут крутить кино прямо на току под открытым небом! Обещают, что народу тьма будет, даже из соседних деревень прибегут. А когда у них показывать будут —

наши туда рванут. Хе-хе, говорят, в такие вечера пар больше всего складывается!

Юань Цзин невольно улыбнулся. Выходит, это своего рода смотрины в масштабе всей округи.

<http://bllate.org/book/15835/1428018>